

**ЖУТКАЯ
ТАЙНА**

**ВАСИКА
ВАСИЛЬКОВА**

Рассказ

Надежда
ВАСИЛЬЕВА
г. Петрозаводск

Васик открыл глаза, и сон тут же исчез, словно выпрыгнул в окно, по запотелому стеклу которого скользили крупные капли, оставляя за собой вертикальные прозрачные полоски. На столе в вазе с тоял букет цветов. Сразу вспомнил, что сегодня первое сентября и нужно идти в школу. Цветы предназначались Оксане Григорьевне. Вчера вечером мама сто раз повторила ему, что нужно сказать, вручая этот пышный букет учительнице. Смешная. Будто у него своих мыслей в голове нет. Оксана Григорьевна Васику нравилась — не то что Евгения Фёдоровна из первого «Б». Она была доброй и очень красивой и почему-то всегда называла Васику по имени и фамилии — Василий Васильков. А однажды, улыбаясь, сказала, что он великий фантазёр, добавив при этом: «Тебе, наверное, суждено стать писателем». На

что Васику только оставалось пожать плечами. Суждено так суждено. А кем суждено, как любит сказать бабуля, «поди знай». Подобные словечки или фразы, сказанные бабушкой или дедушкой, прочно застревают в голове у Васику, но, сорвавшиеся с его языка, почему-то вызывали улыбки, а то и смех у взрослых.

Вскочив с постели, Васику побежал в ванную умываться.

Мама округлила глаза:

— Доброе утро! Уже встал? Не забудь надеть белую рубашку. Сегодня праздник — День знаний.

Но праздник Васику волновал мало. Он думал не об уроках, а о своей тайне. Не терпелось поделиться ею с Вовкой Лаптевым по прозвищу Лапоть. Они жили в одном дворе и сидели за одной партой. Прозвища им, малышне, при-

думывали старшие мальчишки из третьих или четвёртых классов. Одноклассники, как попугаи, только повторяли за ними всякие смешные дразнилки. За Васином закрепилось прозвище Кот. Девочки, вторя Свете Соловьёвой, самой умной и красивой девочке в их классе, звали его по фамилии — Васильков. Но в их устах это не звучало так ласково, как это выходило у Светы. Иногда Света даже называла его Васильком. Правда, обращалась она к нему так, когда рядом никого не было. И от этого её тихого и нежного голоса душа у Васику таяла, как тают зимой снежинки на тёплой ладони. При этом он никак не мог оторвать взгляд от пола, потому что смотреть в глаза девочки было... стыдно, что ли.... И ничего не мог поделать с расплывавшейся по лицу предательской улыбкой. Когда мама читала ему сказку «Дюймовочка», он почему-то всегда представлял Свету. Конечно, рассказать про тайну Свете очень бы хотелось... Но что-то останавливало...

На первом уроке «О самом главном» мысли кружились вокруг него, как голубые стрекозы. По-своему представлял и Родину, и дружбу, и всякие добрые дела. Но одна фраза, которую произнёс приглашённый в класс дяденька в строгом костюме с бордовым галстуком, всё-таки зацепила: «Вы должны мыслить позитивно — и о стране, и о своих родителях, об учителях и одноклассниках. Потому что мысли — наше будущее. И помните, что все мечты имеют обыкновение сбываться». Васик, согнувшись крючком и подперев щеку рукой, даже спину выпрямил. Сговорились они все, что ли?! Неужели и у этого такого серьёзного дяденьки мысли разговаривают? Значит, всё-таки не он один может слышать их голоса?! Еле дождался перемены. И, как только прозвенел звонок с урока, потащил Вовку на улицу.

— Вовка, я сейчас тебе такое расскажу — у тебя рот откроется!

И начал сбивчиво рассказывать ему про свои тёмные и светлые мысли, которые умеют разговаривать его собственным голосом.

Вовка сначала слушал с интересом, глядя прямо Васику в рот. А потом вдруг сделал такую гримасу, будто перед ним не Васик, а полный дебил.

— Ты что, псих?! — покрутил он пальцем у виска. — Тебя наши ребята за эти бабушкины бредни знаешь как засмеют!

Лицо у Васику сразу скисло. Заметив это, Вовка снисходительно тронул его за локоть.

— Да ладно, не расстраивайся. Но всё-таки лучше об этом никому не говори. Ты мой друг, и я не хочу, чтобы над тобой смеялись. Тебя и так старшие ребята меж собой не только Котом, а ещё и Шизиком дразнят. Да-да, я не раз слышал.

Но что такое «шизик», Васик спросить не успел, потому что оглушительно затрещал звонок, и они со всех ног помчались в класс.

Однако уже было не до урока. Смотрел на учительницу, а думал о своём. Вспоминалось лето, бабушкин и дедушкин дом в деревне, куда родители отправляли их с младшей сестрой Ксюшей на все летние каникулы.

Однажды ночью в деревне он проснулся от оглушительного треска. Треск этот был таким сильным, что, казалось, вздрогнул не только он сам, но и весь их большой деревянный дом. Не сразу понял, откуда мог исходить этот резкий грохот. Быстро натянул на себя одеяло до самого носа. И только испуганные зрачки металась по сторонам. Вот наконец взгляд устремился к тёмному окну. Звёзд, всегда приветливо мигавших ему с ночного неба, в этот раз видно не было, словно на небо кто-то накинул чёрный занавес. Зловещая тишина длилась недолго. И только когда грозную тучу разрезала зигзагообразная молния, до него дошло: да это же гроза! Не успел сосчитать до трёх, как всё тот же треск прямо-таки ударил по ушам. От страха сердце забилось часто-часто, как у пойманной им когда-то птички. Та запуталась в сетке, которой бабушка накрывала зреющую клубнику. Птичка в его руках не трепыхалась, и только частые удары в её тёплой грудке выдавали страх. Как вот и у него сейчас... Хотел уже было спрыгнуть с кровати и побежать в бабушкину комнату, чтобы юркнуть к ней под бок, но в голове вдруг прозвучал голос: «Трус ты, что ли?! Зачем бабушку с дедушкой будить? Ведь говорил дед, что в дом молния не попадёт. Если и ударит, то, скорее всего, в ту высокую берёзу, что растёт в углу двора». Свесив ноги с постели,

Васик замер. Голос был его собственный. «А вдруг в печную трубу влетит?» — снова раздался в голове чей-то тихий робкий шёпот. Хотя... не «чей-то», а опять же... его собственный. Эти двое разговаривали одинаковыми голосами, как братья-близнецы. (Генку с Валькой Трубачёвых, что сидели в классе на последней парте, по голосу не сразу распознаешь!) «Не смеши! — возразил первый голос. — Труба у бабушки закрыта». — «А если в форточку?» — не унимался второй. — «Та тоже закрыта, — заверил первый. — Бабуля ведь сказала, что ночью, наверное, будет гроза. Мол, какой день уж духота стоит. Надо бы на всякий случай все форточки закрыть». Затаив дыхание, Васик прислушивался к голосам. Интересно, что ответит тот, второй... Но второй голос промолчал. Наверное, как и Васик, эти бабушкины слова всё же вспомнил.

Снова сверкнула молния и уткнулась огненной стрелой в горизонт. Но грохот раздался не сразу. Считать пришлось уже до семи. Значит, ветер угнал грозовую тучу подальше от деревни.

Заскрипела бабушкина кровать. Вот она тихонько приоткрыла дверь в его спальню.

— Васик, ты грозы не боишься? — раздался её тревожный шёпот.

— Вот ещё! Конечно, не боюсь. Что я, маленький? Мне ведь уже восемь с половиной лет! Спи, бабуль, — пробурчал Васик.

А когда за ней закрылась дверь, в голове опять зазвучал диалог этих... двоих: «Ну, ты и врать! — ехидно засмеялся противный второй. — Сам ведь струсил!» — «Это не в счёт, это от неожиданности, — твёрдо заверил первый. — Бабулю ведь будить не стал. Так что заткнись!»

Подействовало. Второй голос «заткнулся». А Васик перевернулся на другой бок и, крепко закрыв глаза, под тихое мирное ворчанье далёкого уже грома очень быстро уснул.

А утром, уплетая любимую гречневую кашу с молоком, рассказал бабушке о ночном происшествии. Ну... об этих двух голосах, что так отчётливо звучали ночью в голове. Странно, но она почему-то ничуть не удивилась.

— Понятное дело, взрослеешь ты, внучок. Пришло время принимать ответственные решения, делать свой выбор.

— Как это? — не понял Васик.

И даже ложка упала в кашу. Да и если бы просто упала, а то скрылась в каше «с головой».

— Да так вот. Не идти на поводу глупых эмоций. Это разговор твоих мыслей. Они разные бывают: светлые и тёмные. Тёмных нужно гнать прочь и делать то, что советуют светлые.

— «Тёмные». «Светлые». Скажешь тоже мне, бабуль. А как их увидеть? Как различить?

Вечно бабуля говорит какими-то загадками!

— Очень просто, — как всегда спокойно пояснила та. — Если закрыть на несколько секунд глаза, перед мысленным взором сразу и появятся они. Светлые — в виде солнышка, а тёмные — как грязные кляксы.

Васик зажмурился. Перед глазами и правда замелькали светлые и тёмные пятна. У светлых пятен появились лучики, у тёмных — хвостики. Заметались, как на футбольном поле.

— Бабуль, а откуда эти мысли берутся?

Та усмехнулась.

— Да залетают с разных сторон. Тут нужно уметь разобраться: какие выгнать из головы, какие — оставить. И делать это можно, не закрывая глаз. В жизни человеку часто приходится делать выбор... — кивнула она головой на картину, что висела в кухне над деревянным диваном. На ней был изображён богатырь на белом коне у распутия трёх дорог. — Читай, что там на камне-то написано.

Васик зашевелил бледными губами: «Налево пойдёшь — коня потеряешь, направо пойдёшь — жизнь потеряешь, прямо пойдёшь — жив будешь, да себя позабудешь». Интересно. «А если назад повернуть?!» — мелькнула в голове трусливая, явно тёмная мыслишка. Но спросить об этом бабушку почему-то не решился. Светлая мысль быстро отогнала прочь ненужный вопрос. Сколько лет висит на стене эта странная картина в почерневшей от времени рамке, но никогда не задумывался над тем, что на ней нарисовано. Хотя видел, конечно, и черепá у камня, и копьё в руке всадника, и шлем на голове...

— А богатырь-то этот... кто такой?

— Илья Муромец, народный любимец из русских сказок. С древних времён люди учи-

лись делать правильный выбор. Правильно поступишь — удачу жди. Ложный путь выберешь — строго наказан будешь.

— А кто наказывает? — вытаращил глаза Васик.

— Судьба, хороший ты мой. У неё не забалуешь. Её не обхитришь. — Серые бабулины глаза сделались такими задумчивыми, будто вспомнилось ей что-то не очень приятное.

— Бабуль, а как от этих тёмных мыслей избавиться?

— Проще простого, — лукаво взглянула на него бабушка. — Топни ногой да про себя прошепчи: «Крест — ко мне, а тёмные мысли — от меня!»

Васик отвёл недоверчивый взгляд в сторону. И больше ни о чём расспрашивать бабушку не стал, хоть и чесался язык: вот откуда она всё это знает?!

Знала бабушка много чего интересного. Все соседи в деревне её уважали, величали Марией Ивановной. В школе ребята-старшеклассники её тоже помнили. Бабушка раньше работала в их школьной столовой поваром. Как-то Димка Фролов, самый длинный старшеклассник в школе, с рыжей лохматой головой, подставив подножку, остановил Васика:

— Эй, мелкий! Правду ли говорят, что повар Мария Ивановна, что раньше работала в нашей столовке, твоя бабушка?

Проглотив слюну, Васик кивнул. И на всякий случай втянул голову в плечи. Вдруг по шее даст! Но Димка дружелюбно потрепал его по волосам:

— Не бойсь! Я хорошо помню её. Она такая вот тётка! — и поднял большой палец вверх. — Мне всегда добавки блинчиков давала. Передавай ей от меня привет. Если тебя кто-нибудь обидит, мне скажи. Я с тем быстро разберусь. И мало не покажется.

Васик только быстро заморгал ресницами Димке вслед. Но с тех пор задевать его старшие перестали, и обращаться за помощью к Димке нужды не было.

До рождения Ксюшки папа с мамой, дедушка с бабушкой и он, Васик, жили в городе. А когда на свет появилась маленькая сестрёнка, шестерым в квартире стало тесно. Тогда бабуш-

ка вышла на пенсию, и они с дедом переехали жить в деревню, куда отправляли их теперь с Ксюшкой родители на каждые каникулы. В это лето, что так быстро пролетело, папу в отпуск не отпустили. Послали в командировку куда-то в другую страну. А мама с Ксюшкой уехали к морю, как выразился дед, «греть бока». Васик моря не любил. Родители как-то брали его на юг, ещё до рождения Ксюхи. Васика тогда так волной накрыло, что чуть не утонул. Хорошо, что папа был рядом. Да и вообще... шлёпать босыми ногами по раскалённой гальке не такое уж и большое удовольствие, хоть мама и говорила, что это полезно. А вот в деревне всегда много интересных дел. Больше всего любил ходить с дедом на рыбалку. Дед у него мировой! Раньше работал механиком. Васик знал наизусть все марки легковых автомашин. В городе у него была целая коллекция игрушечных моделей. Дед подарил. Его тоже Васей зовут. Но соседи к нему обращаются уважительно. Он для них не Васик, а Василий Петрович. Дед такой смешной. Любит их с Ксюхой передразнивать. Стоит Васику закапризничать, он сразу скривит такую рожицу, что смех уже не сдержать и грибиться сразу расхочется. Волосы у деда белые, волнистые и пышные, особенно после бани. А вот папа зачем-то бреет свою голову. Зачем? Как-то спрашивал его. Говорит, что мода теперь такая. Дурацкая мода. Иногда Васику кажется, что дед красивее папы. У деда кончики усов завиваются вверх, а у папы — вниз. Будто чёрная щётка под носом. Когда папа ест оладьи со сметаной, Васик искоса наблюдает за ним и ждёт, когда та прилипнет к его усам. Только папа хитрый. Ловко так рот открывает. И после еды усы тщательно салфеткой вытирает. Ну, а лицо взять... В глазах у деда всегда озорные искорки играют, а у папы вечно вид такой строгий, будто не может решить какую-то сложную задачу. И от этого между бровей образовались глубокие складки. Может, потому, что работа у него такая? Он какой-то там профессор. Как однажды выразился дед, «профессор кислых щей». Шутка, конечно, но папа на такие, как он говорит, «глупые шуточки» серьёзно обижается. На работе он что-то там конструирует... конструирует... конструирует. Тьфу ты! Что за

слово такое? Язык можно сломать. Но вовремя вспомнил папины «ценные указания»: «Чтобы запомнить длинное незнакомое слово, нужно повторить его много-много раз». Пришлось повторять. Только тогда запомнил. Каждый раз на праздники папа дарит Васику всякие конструктор-тор-ские игры и твердит при этом одно и то же: «Для развития логического мышления». Понять это Васику сложно, но переспрашивать не хочется. Папа ведь всё равно, отмахнувшись, скажет: «Вырастешь — узнаешь!» Вредная, конечно, это у него привычка. Вот мама всегда старается всё объяснить, что бы они с Ксюшкой ни спросили. Мама — врач, лечит заразных больных. И руки у неё, когда приходит с работы, всегда пахнут каким-то лекарством. Но Васик к этому запаху уже привык, ему нравится, когда мама его обнимает. Ну, а про бабулю вообще... особый разговор. Она полная, как две мамы. Живот и грудь у неё мягкие и пирожками пахнут. Раньше Васи́ка так и тянуло к бабуле прижаться, пока дед не пристыдил: «Ты что всё к бабушке липнешь? Не маленький телок ведь, а совсем взрослый парень!» И привычка эта, как однажды выразилась бабуля, «изжила себя». Она часто употребляет всякие странные фразы, над которыми нужно голову ломать. Вот и про мысли тоже... такое загнула! Хотя... в этом что-то есть. Бабуля всегда с ним разговаривает по-взрослому. Не то что соседка тётя Лида. Сюсюкает его, как маленького. И вопросы задаёт такие примитивные, как в мультиках. Язык не поворачивается на них отвечать!..

Вот Оксана Григорьевна — украдкой взглянул он на учительницу — глупых вопросов никогда не задаёт. Наоборот. Не сразу на них ответ найдёшь. Вот как быстро найти ответ к этой устной задачке? «На одной полке было тринадцать книг, на другой — на три книги меньше. Сколько всего книг было на двух полках?» Учительница лукаво так улыбается, ждёт, кто первым поднимет руку. Васик поднимать руку не стал. Чтобы Оксана Григорьевна не вызвала его, отвернул голову к окну. Летние воспоминания нехотя стали уплывать в прошлое. За окном моросил мелкий сентябрьский дождь. И почему приятные моменты пролетают так быстро? А этим нудным урокам конца

и края нет. Сколько радостных воспоминаний о лете успело промелькнуть в мыслях, а звонка на перемену всё нет и нет.

Оксана Григорьевна всё о своём: проверяет, не забыли ли за лето то, чему она их в первом классе научила. «Что больше — пять дециметров или сорок сантиметров? Сколько в килограмме граммов?» Потом стала писать на доске длиннющие примеры на сложение и вычитание. Васик закрутил головой, обводя взглядом лица одноклассников. Клюеву Сашке на всё плевать. Знай перекладывает под партой из одной руки в другую медные монеты. У старших пацанов, наверное, их на что-то выменял. Галька Смирнова, самая толстая в их классе, в глубокой задумчивости грызёт кончик карандаша, словно хочет выдавить из него правильный ответ. Мишка Сараев озадаченно чешет линейкой в затылке, будто это ему поможет пример сосчитать. Света Соловьёва напряжённо морщит лоб. Быстрее всех сосчитал пример Ванька Голубев. Он самый маленький в их классе, но голова у него хорошо варит. А учительница всё сложнее задачки придумывает. «У Вани и Коли тетрадей столько, сколько у Даши и Лены. Сколько тетрадей у Вани, если мы знаем, что у Коли — пять, у Даши — шесть, у Лены — семь?» Света, наверное, сейчас первой руку поднимет. Она даже самые трудные задачки как орешки щёлкает. Точно! Руку тянет. С ума сойти! И вся зарделась от похвалы учительницы. Сашка даже перестал считать свои монеты, взглянул на Свету, смешно скосив глаза у самого носа. Даже Оксана Григорьевна, взглянув на него, не могла сдержать улыбки. Этому Клюеву в цирке бы клоуном работать. С досады Васик снова уставился в окно. Нет, не для того, чтобы, как однажды выразилась учительница, «ворон считать». Просто по школьному двору пробежал друг всех ребят — Тарзан. Хорошо ему. У собак мозги от этих задач не скрипят. Бегают себе под дождём и в ус не дует. Ему-то до этих задачек... Вот остановился, стал из шерсти на боку блох вылавливать. О том, что мозги от школьных заданий могут «скрипеть», по секрету однажды выдал Васику дед. И глагол этот прочно засел в голове. А вот то, о чём на уроках рассказывает учительница, бывает, выветривается из памяти

так быстро, что вечером, выполняя домашние упражнения, — хоть головой об стенку бейся! — не вспомнить, «с чем едят» эти главные члены предложения. Какое из них подлежащее, а какое — сказуемое?

А вот уроки чтения Васик любит. Сначала Оксана Григорьевна прочла им басню Крылова «Ворона и лисица». Хитрая, конечно, эта лисица, как Райка Горюнова из третьего «А» класса. В прошлом году так же вот у него из рук коржик выхватила, пока он школьную стенгазету разглядывал. Да ещё язык высунула. Длинный такой! Как только он у неё во рту помещается? Но раздумывать об этом было некогда. Стали всем классом по картинке составлять рассказ «Золотая осень». Тёмная мысль возмутилась: «Не в тему! Вон за окном какой дождь лёт!» Но светлая быстро нашлась, что ответить: «Зато не в окно, а на картинку смотреть надо». До чего досмотрел, что мысли снова унеслись в лето. Вот они сидят в деревне, завтракают, уплетают блины с клубничным вареньем. И дед лукаво так подмигивает ему:

— ...За вкусноту нужно расплатиться трудовой повинностью.

У Васика сразу губы к сморщенному носу прижались. Вечно дед с этой «трудовой повинностью». Откуда он такое слово-то выкопал? Наверное, картошку полоть? Ладно бы клубнику собирать. Та хоть сладкая да вкусная. Но клубника уже отошла. А картошку эту, грязную, разве есть будешь? Дед, видно, заметив его тёмные мыслишки, тут же передразнивает, морщится так, будто лимон откусил. И как тут не рассмеяться! Мысли в голове сразу забежали, словно в футбол играют. Но светлые один за другим забивают голы. Прополоть картошку, конечно, нужно. Не раз уж бабушка вздыхала, что скоро картофельной ботвы из-за лебеды не видно будет. И вспомнилась её поговорка: «Глаза — страшатся, руки — делают». Зато потом дед на рыбалку возьмёт. Это факт. И от одной этой радостной мысли Васик быстро вскакивает из-за стола, на ходу натягивая на голову бейсболку.

— Пошли, дедуль! Вдвоём мы мигом с этими сорняками справимся.

Бабушка тогда так и просияла лицом. Пошла пельмени лепить, его любимые. Её девиз:

любое доброе дело должно быть вкусно вознаграждено.

Не знал раньше, что прополка такое интересное занятие. Лебеда вырывалась из сухой и рыхлой земли так легко, что Васик вошёл в раж. И когда дед остановил его, мол, на сегодня хватит, он взмолился.

— Дедуля, миленький, ну давай до конца всё выполем! Всего несколько бороздок осталось! На меня знаешь какой работун напал!

— «Работун» — слово-то какое выдумал, — засмеялся дед, от улыбки на щеках у него появились две глубокие складки, в которых скопилось земляная пыль. — А ты часом не устал?

— Да ты что! За кого ты меня принимаешь? Во мне знаешь сколько сейчас силы?! — и хотел уже засучить рукава рубашки, чтобы показать деду бицепсы.

Но дед остановил:

— Будет тебе! Верю я, верю.

И тогда Васик пошёл в наступление.

— А может, тебе самому надоело тачки с сорняками возить? А, дед?!

Дед, усмехнувшись, только головой покачал.

— Теперь, думаю, ты понял, что силы даются тому, кто трудится. Никогда не отказывайся ни от какого дела. Не позволяй лени брать над собой верх.

Васик спорить не стал. Кивнув, перешёл на новую борозду и снова принялся собирать вырванную с корнем лебеду в охапку. Тёплая земля ласкала босые ноги. И запах созревшей лебеды приятно дурманил голову.

— ...Василий Васильков! Ты что, опять в облаках витаешь! — взглянула на него Оксана Григорьевна.

Весь класс как по команде повернул головы в его сторону. Васик съёжился. И тёмная мыслишка тут же подала свой голос: «Ну зачем она так?!» — «А затем, что урок слушать надо!» — возразила светлая. Но ничего ответить учительнице не успел. Радостно завершал спасительный звонок на долгожданную большую перемену.

На последнем уроке рисования опять весь с головой был в лете. Учительница попросила изобразить зимний пейзаж, а он стал рисовать

купающихся в море маму и Ксюху. Сестрёнка, конечно, ещё та вредина. Решил с нею своей тайной про мысли поделиться. Так ведь она никаких мыслей в упор видеть не захотела. Закроет глаза и на его таинственный вопрос «ну что ты, Ксюш, видишь?» начинает плести всякую ерунду — типа «вижу море и песчаный замок на пляже, который мы с мамой выстроили в последний день отпуска... знаешь какой большой и красивый!» А на вопросы о голосах в голове вообще губы надула: «Хватит меня дурачить! Нет у меня в голове никаких голосов! Я не сумасшедшая. Отстань от меня, а не то маме пожалуюсь!»

«Ну что с её пустой головы возьмёшь?!» — тут же вякнула тёмная мысль. А светлая рассердилась: «Зря так про сестрёнку! Маленькая она ещё. Вырастет — поймёт». И Васи́ка это сразу успокоило, словно в жаркий день угостили мороженым. Предложил Ксюшке вместе посмотреть на смартфоне видео их пребывания на море. Уговаривать её было не надо. Кто ж не любит лишний раз на себя полюбоваться?!

С мамой и Ксюшкой в деревне, конечно, сразу веселее стало. И на какое-то время о своей тайне про мысли Васи́к совсем забыл. Дед учил их с Ксюшкой плести из бересты твеса. Мама каждый вечер читала им интересные книги. Сказки Корнея Чуковского учили наизусть. И даже играли в театр, читая стихи по ролям. Бабушка баловала их вкусными ягодными пирогами. Стоп! Вот про ягоды... нужно поподробнее. Собирали они в лесу чернику этим летом втроём: Васи́к, бабушка и Ксюшка. У бабули был трёхлитровый бидончик, у Ксюшки — пластиковая баночка примерно на литр, Васи́ку бабушка привязала на пояс сплетённую дедом корзиночку литра на два. Словом, всем, как сказала бабушка, по росту. Сначала черника попадалась редко. Васи́к заскучал. Стал терзать бабушку вопросами:

— Ну где, бабуль, твои ягоды? Сколько их ещё искать нужно? А может, ты место забыла?

Но бабуля прищурила глаза:

— Ишь ты, хитренький какой! Хочешь, чтобы лес тебе всё на ладошке преподнёс? А он проверяет вашу выносливость и трудолюбие. Стоит ли делиться с вами своими ценностями?

А когда из глаз скрылась дорога, стали появляться кочки с кустами крупной черники. Настроение у них с Ксюшкой сразу поднялось. Такую ягоду собирать одно удовольствие. Стали соревноваться, кто скорее наберёт доверху. Они с Ксюшкой, то и дело подбегая к бабуле, заглядывали в её бидончик. У Ксюхи в банке еле дно закрыто. Зато язык весь чёрный и губы в улыбке синие от уха до уха. Ягода на веточках крупная, сладкая. Но Васи́к почти не ел. Хотелось бабушку победить. Совсем немного ведь до верха осталось. И тут случилось ужасное. Споткнувшись о какую-то корягу, упал, рассыпав все ягоды. От досады закричал так истошно, что бабушка подумала, будто он ногу сломал. Подбежала к нему и принялась ему ноги ошупывать.

— Скажи, Васи́к, где больно?!

И при этом ещё чуть на ягоды не наступила!

— Уйди! Уйди! Не больно мне! — заорал Васи́к.

А у самого слёзы градом. Так ягод жалко! И бабушка... тоже. Слепая, что ли?! И даже отпихнул её. Бабушка так на него взглянула, что у него разом голос пропал. Только хлопает носом. А в голове мысли, как в шторм, разбушевались: «Ты что, с ума сошёл?! Бабушку пихнул?! Из-за каких-то ягод?! Ведь их собрать можно было! А ну-ка быстро извинись!!!» Тёмным мыслям в голове места не хватило. Пикнуть не могли. Что тут возразишь?! И он, стыдливо уткнувшись лицом бабушке в живот, тихо пролепетал:

— Бабуля, прости, я ведь нечаянно!

— За «нечаянно» бьют отчаянно, — скривив губы, буркнула подбежавшая к ним Ксюшка, повторив услышанную во дворе фразу.

— Помолчи, Ксюша! — строго оборвала её бабушка. — Васи́ку, конечно, обидно. Почти доверху набрал. Давай поможем ему собрать в лукошко рассыпавшуюся ягоду.

О соревновании сразу забыли. И правильно. Всё равно этим ягодам в одной кастрюле вариться. Удивляло одно: почему бабушка на него не обиделась? Не накричала, не отшлёпала. А перед глазами стоял тот её взгляд, от которого тогда у него заледенело внутри. Взгляд не был сердитым или злым, не был обиженным

или удивлённым. Трудно даже объяснить, каким был этот взгляд. Как ни пытался дома вечером перед зеркалом посмотреть на себя этим бабушкиным взглядом, ничего не получалось. Понял тогда, что таким взглядом, как стальным щитом, можно даже лютого врага остановить. Только где этих лютых врагов найдёшь? Хотя... взять одноклассника Сашку Клюева. Не лютый враг, конечно, но и другом не назовёшь. Одним словом, недруг! Чаше всего Васика задирает. То локтем толкнёт, то рожу скривит, то начнёт мяукать, изображая кота, а то и по голове постучит.

Мысли быстро вернулись из деревни в класс. Обернулся на Клюева. Тот, увидев, что Васик отложил карандаши в сторону, учительнице наябедничал:

— А что Васильков не рисует? Ему что, особое приглашение нужно?

У учительницы по рисованию, отчество которой Васику было не запомнить, накрашенные чёрные брови поднялись к самой кромке волос. Чтобы не попасть под прицел её удивлённого взгляда, Васик, быстро схватив карандаши, склонился над альбомом.

А когда учительница отвернулась, снова зыркнул на Клюева. «Как бы ему отомстить?» — мелькнула тёмная мысль. Но светлая быстро отогнала её в сторону. «Ещё чего не хватало! Мечь, как мама однажды сказала, последнее дело! Учись работать взглядом!» Легко сказать: «Учись!» Но попробовать всё же решил. Метнул полный молчаливого презрения взгляд в Сашкину сторону. Сработало! У того аж челюсть отвисла. Но тёмной мысли не унять было: «А может, всё-таки его по голове учебником трахнуть? Ну, чтоб не приставал больше...» — «Глупости! Лучше включить полный игнор!» — как всегда мудро посоветовала светлая. Васик с нею согласился.

В самом конце урока учительница раздала им чистые листки и попросила написать, о чём бы каждый из них хотел спросить Бога. Добавила при этом, что зачитывать их вопросы в классе не будет. Мол, это просто тест такой. Странная она какая-то. Письма Деду Морозу перед прошлым Новым годом они писали, а вот чтобы Богу... Но думал недолго. Старательно вывел,

ровно и красиво: «Боженька, признайся, светлые мысли мне посылаешь ты?!!»

А после звонка в раздевалке случилось вот что. Растолкнув девчонок локтями, Клюев оделся первым. Переобувшись в сапоги, стал хитро поглядывать на Свету Соловьёву, которая почему-то всегда одевалась последней. Васик, насторожившись, не торопился выходить из раздевалки, предчувствуя какую-то каверзу со стороны Сашки. Интуиция не подвела. Схватив с вешалки белую куртку Светы Соловьёвой, Клюев бросил её на пол, да ещё пробежал по ней своими сапогами, оставив грязные следы. Света ойкнула. В глазах у неё блеснули слёзы. Ещё бы! Куртка-то новая. А Клюев насмешливым взглядом следил за Васиком. «Дать ему по морде, что ли, и вытолкать вон!» — мелькнула мысль. Светлая ли?! Тёмная?! Дошло только тогда, когда в голове прозвучал вкрадчивый шёпот: «А может, лучше не связываться? Пусть разбираются сами!» Но светлая уже была в набат: «Что? Неужели струсил?!» И Васик ринулся на Сашку. Тот как ошпаренный выскочил из школы. Подняв куртку и вынув из кармана чистый носовой платок, стал стирать с неё грязные пятна. Света посмотрела на него таким ласковым взглядом, что у Васица запылали щёки. И все мысли куда-то попрятались. Умеют они смыться в щекопливый момент. Из школы вышли они со Светой вдвоём. Клюева уже и след простыл. Перед тем как сесть в машину приехавшего за ней отца, Света, обернувшись, помахала Васику рукой. Он, смущённо опустив голову, поспешил домой, благо жил рядом со школой, и даже переходить дорогу не надо было.

А вечером в честь приезда отца из длительной командировки мама испекла вкусный пирог с яблоками. Папа, как обычно, первым делом стал расспрашивать о школьных новостях. Тёмная мысль подзуживала: «Расскажи про свой добрый поступок! Ну, как ты этого Сашку Клюева...» Но светлая не дала ей договорить: «Вот ещё! Не хватало только хвастаться!» И это сработало. Пожав плечами, Васик произнёс:

— Всё как обычно. Никаких особенных новостей, — и быстро перевёл стрелки разговора,

как это умела делать мама: — А у тебя на работе как дела?

Родители переглянулись. И папа улыбнулся:

— Да тоже всё нормально, без серьёзных проблем. Так... рабочие моменты. Давайте приступим к пирогу.

Мамину вкусноту ели молча. Она такие пироги печёт, что язык проглотишь. А когда от пирога остался всего один кусок, она, с лукавой улыбкой глядя на них с Ксюшкой, спросила:

— Ну что, разделим для вас пополам?

Ксюшка, облизывая губы, смотрела на пирог, глотая слюнки. Васику даже смешно стало. Она сама не своя до всякой выпечки. И, усмехнувшись, сказал:

— Я не хочу больше. Пусть Ксюшка ест.

А в голове мысли тут же перепалку устроили. Тёмные бурчали: «Всегда ей всё самое вкусное! Надо было делить пополам!» А светлые отбивали атаки спокойно и логично: «Правильно сделал. Она маленькая и притом девчонка».

Папа, словно прочитав эти мысли, похвалил:

— Молодец! Поступил как настоящий джентльмен!

Хотел было спросить, что означает это последнее слово, но передумал, услышал совет светлой мысли: «Можно посмотреть в словаре». Большой энциклопедический словарь лежал на полке в спальне Васику. Папа подарил ему эту толстенную книгу на день рождения в прошлом году, чтобы Васику (как папа сказал маме) «по пустякам вопросами не отрывал у взрослых ценное время». В словаре и правда было много интересного. Сначала Васику рассматривал только картинки, а потом стал читать то, что было под ними написано.

А вечером все вместе стали смотреть телевизор. Шла передача «Лучше всех!». Актёр с птичьей фамилией вёл очень смешной разговор с ребятами, которые демонстрировали на сцене свои знания и способности. Он разговаривал с ними так прикольно, что весь зал хохотал. И сами ребята, болтая ногами, смеялись над собой вместе со всеми. В конце выступления им на грудь вешали медаль «Лучше всех!» и дарили рюкзачок со сладостями. И они, довольные, вприпрыжку бежали в объятия к своим

родителям. Смотреть на всё это было, конечно, интересно. Но тут в голове неожиданно зашевелилась тёмная мыслишка: «А ты хотел бы принять участие в этом шоу, быть лучше всех? Представь: тебя покажут по телику с медалью и рюкзаком сладостей. Ребята все умрут от зависти!» Но светлая мысль предостерегла: «Тебе это надо?! Вспомни бабулины слова...»

Васику вспомнил. «Никогда не стремись быть лучше всех, — часто говорила ему бабушка. — От людской зависти случается много бед. К тому же в Зазнайку превратиться можешь. Друзья от тебя отвернутся. Что в этом хорошего?» И шоу это смотреть Васику сразу расхотелось. Он резко встал и направился в свою комнату. Мама удивлённо окликнула его:

— Васику, тебе что, неинтересно?

И тут выручил папа:

— Если разобраться, я тоже ничего полезного в этих шоу не нахожу. Взращивают у детей зависть и соперничество. А это нехорошие чувства. Васику даже остановился. Что, папа с бабулей договорились? И обернулся на маму. Интересно, что она на это скажет? Но мама как-то неуверенно пожала плечами:

— Может быть. Может быть. Такое вполне может быть.

Васику только вздохнул. Вот и пойми этих взрослых!

Какое-то время мысли не донимали. Наверное, потому, что ничего особенного ни в школе, ни дома не происходило. Всё как всегда. Тихие уроки, шумные перемены. После школы во двор гулять не ходил, потому что почти каждый день лил сильный дождь. Сделав уроки, учил Ксюшку играть в шахматы. Она толковая. Быстро всё схватывала. И однажды, хитро так глядя на него, тихонько спросила:

— Вася, а как твои мысли поживают? Или ты мне нарочно мозги пудрил?

Он даже опешил. Вот даёт! Какими словечками щеголяет. И про мысли не забыла. Но удивления своего выказывать не стал. Демонстративно так, как иногда делает папа, приподняв левую бровь, усмехнулся:

— Мысли, говоришь... Так они отпуск взяли и к морю уехали, — заметив на лице сестрёнки удивлённую гримасу, заверил тоном, не терпя-

щим возражений: — А что тут такого? Отдохнуть решили. Имеют право.

Ксюшка от удивления даже рот открыла и язык свой розовый высунула, да так, что он щеки коснулся. Не поняла, правду он говорит или снова её дурачит. Тут у Васику в глазах смешинки заиграли. И у Ксюшки сразу рот до ушей.

— Так я тебе и поверила!

Глядя на хохочущую сестрёнку, Васик вдруг задумался. И правда, куда они подевались, мысли эти? С ними интересней было. Сделаешь доброе дело по совету светлых мыслей — и на душе так хорошо становится. Настроение такое, как в последний учебный день перед зимними каникулами, когда домой идёшь не просто так, а подпрыгивая и побрякивая школьным ранцем. И улыбка с лица не сходит, каждой бродячей собаке хочется последнюю конфетину отдать. Себя таким героем чувствуешь!

А на другой день у него в школе потерялся планшет, на котором рисуют. Папа ему этот планшет из командировки привёз. Ксюшке — куклу говорящую, а ему, как старшему, не игрушку какую-нибудь, а очень даже нужную вещь. И планшет этот он всегда в ранце носил. Они с Вовкой на большой перемене на нём друг на друга карикатуры рисовали. Вот и в тот день. Первыми в столовку прибежали, чтобы, значит, скорее поесть и... в класс, в крестикнолики поиграть. Открыл ранец, чтобы планшет вытащить, а там... пусто! Тёмная мысль первой панику открыла: «Ой! А где планшет-то? Ведь всегда в ранце был! Может, кто-нибудь украл?!» И Вовка, глядя в его вытаращенные глаза, тут же стал страхи подогрывать:

— Что? Планшет стибрили? Надо Оксане Григорьевне сказать, чтобы у всех ранцы проверила! У нас в классе воришки есть. Что стоишь? Иди к учительнице! — стал легонько подталкивать он Васику в спину. — По свежим следам искать легче!

И только хотел рот открыть, чтобы позвать Оксану Григорьевну, которая сидела за столом, проверяя их тетради, но тут откуда ни возьмись выплыла светлая мысль и заворчала: «Стоит ли слушать Вовку этого? Он паникёр ещё тот. Ксюшка планшет могла взять...» Рот у Васику

тотчас закрылся. А Вовка не успокоится, знай подначивает:

— Может, это Клюев тебе мстит? Помнишь, он к нам подходил, из-за наших спин планшет разглядывал?

— Да иди ты! — отмахнулся Васик. — Скорее всего, я его дома оставил. А мы тут панику устроим.

Но Вовка не унимался.

— Ну, ты и лох! Завтра этот планшет фиг найдёшь. Если Клюев его украл, так больше он его в школу не принесёт. У него мозги в порядке. Ещё как варят! Старшеклассникам продаст.

Тёмная мыслишка на одном месте волчком закрутилась, запричитала: «Что будет?! Что будет?! Ксюшка пропажу выявит. Будет просить планшет, точняк! Что ей сказать?! Не дать — папе нажалуется». Светлая мысль долго и напряжённо молчала. Потом тихо, но твёрдо произнесла: «И всё же навет чинить нельзя!» Васик закрыл ранец, давая Вовке понять, что тему эту щекотливую мусолить не собирается.

— Ну, даёшь! — покрутил друг пальцем у виска. — Хочешь, я сам учительнице всё расскажу?

— Не смей! — скользнул по нему сердитым взглядом Васик. — Это мой планшет, не твой! Сам и решу, что делать.

И дома первым делом стал шарить рукой в тумбочке. Планшет — тут как тут. Кинулся в комнату Ксюхи.

— Ксюха! Ты планшет мой вчера из ранца вынимала?

Та, уставившись в свои тапки взглядом, молча пыхтела. Тут уж и ёжику понятно, что её рук дело.

— Сколько раз тебе говорить, что нельзя без спросу брать чужие вещи! — накинулся на неё Васик.

У сестрёнки в плаче скривились губы.

— Я больше не буду, честное слово даю! — и даже голос жалобно так задрожал.

— Знаю я твоё «честное слово»! Врушей растёшь! — никак не мог успокоиться Васик. — Я твоих кукол не трогаю. И ты планшет не бери, поняла?! Больше тебе его никогда не дам! — сурово прозвучал его приговор.

Мысли молчали. И как тут понять, правильно поступил или нет? Куда они опять попрыта-

лись? Когда надо позарез, их, как бабуля любит сказать, «днём с огнём не сыщешь».

Взглянул на сестрёнку. Та, отвернувшись лицом в угол, тихонько хлюпала носом. И Васику стало её жалко. Подошёл, погладил по плечу.

— Не плачь. Ты взяла без спросу, потому что меня дома не было? Ведь так? — Ксюха кивнула. — Поиграла бы и... на место положила. Не в тумбочку, а в ранец, откуда взяла...

— Не успела я. Ты уже дверь открывал. Думала, что заругаешься.

— Думала ты! — миролюбиво заворчал Васик. — А я вот подумал, что у меня его в школе украли. Чуть учительнице не пожаловался... Меня бы потом ребята ябедой дразнили. Общаться бы со мной перестали...

Ксюха только тяжело вздохнула. И посмотрела на брата таким сочувственным взглядом, будто плохое в школе не «могло случиться», а «уже случилось».

«Поняла ли она что? Вряд ли!» — ехидно вставила свои доводы тёмная мыслишка. Но светлая резонно так заметила: «Верить лучше, чем не верить!» И с этим не поспоришь.

Вскоре Васик привык к тому, что мысли время от времени куда-то исчезали и никаких советов уже не давали. Всё приходилось решать самому, без их добрых подсказок. И это уже стало входить в привычку. Никаких сомнений не возникало. Делал то, что первым приходило в голову. Интуиция не подводила. И даже переживать потом не приходилось.

Но однажды мысли снова дали о себе знать, потому как ситуация сложилась очень сложная. А началось всё, казалось бы, с пустяка. Дело было в пятницу. На улице не переставая моросил противный дождь. Они с Вовкой решили заглянуть в живой уголок, который находился в кирпичном гараже, во дворе школы. Над дверью гаража так и было написано «Живой уголок». Иногда младших школьников водили сюда на экскурсию. В маленьком мутном бассейне обитали четыре большие черепахи. Они почему-то всё время высовывали свои головы из воды. Но кормить их Раиса Павловна, учитель биологии, что ухаживала за питомцами, не разрешала. В клетке для птиц пока-

чивались на жёрдочках яркие попугаи. В куче коробок в одном из отсеков, фырча, шуршали ёжики. Но больше всего Васику и Вовке нравились кролики. Их было много, штук десять, а то и больше. Самым крупным среди них был Плюшка, отец всего кроличьего семейства. Так прозвали его Васик с Вовкой за густой, пушистый и с серебряным отливом мех. Раисе Павловне кличка эта понравилась. Она вообще была очень доброй и приветливой. Высокая, с лицом круглым, как полная луна, учительница всегда улыбалась, охотно рассказывая ребятам о повадках и привычках своих подопечных. Васик с Вовкой, частенько забегая в живой уголок, помогали учительнице. То за капустными листьями, то за водой в столовку сбегают. Питё питомцам по кормушкам разольют. Словом, что ни попросит сделать Раиса Павловна — они мигом выполнят. Как бы сказала бабуля: «Одна нога здесь, другая уже там». Плюшку из клетки Раиса Павловна вынимала за уши. И однажды даже разрешила мальчишкам его погладить. Плюшка хоть и подрыгивал задними лапами, но щёки им обнюхивал, щекоча длинными усами. И гладить себя позволял. Но в тот злосчастный день учительницы в живом уголке не было. Наверное, ушла в столовую за кормом для питомцев. На двери висел замок, ключ из которого не был вынут. Значит, она была где-то неподалёку. А дождик всё не переставал, уже стекал с воротников за шиворот. Мальчишки ёжились, вжимали головы в плечи.

— Давай, Васик, зайдём внутрь. Что под дождём стоять да мокнуть... Раиса Павловна нас хорошо знает, не заругает. Она ведь добрая.

Никаких сомнений у Васи́ка не возникло. И мысли ничего не подсказали. Замок открылся без труда. Внутри гаража горел свет. Попугаи заперхали с жёрдочки на жёрдочку, вопрошая незваных гостей: «Куда вы?», «Куда?!» Раскудахтались. Им-то какое дело?

Зато кролики оживились, зашевелили усами, приветствуя их. Плюшка, их любимец, даже поднялся на задние лапы, нетерпеливо царапая передними проволочную решётку, надеясь на угощение. Но ни у Васи́ка, ни у Вовки в руках ничего не было. Плюшка с надеждой обнюхивал руку Васи́ка.

— Плюшка! Узнал! Ах ты, хороший мой! — пальцем погладил его по влажному носу Васик.

— Давай откроем клетку и возьмём его на руки, — предложил Вовка.

Сказано — сделано. Щёлкнула щеколда. Васик поднял кролика за уши, как это всегда делала Раиса Павловна. И вот уже Плюшка у него в руках. Сидит, дрожит. Не зря, видно, говорят: трусливый как заяц. И только Васик, ослабив руки, хотел погладить любимца, как тот, больно ударив Васику в живот задними лапами, выпрыгнул из его объятий и... выскочил на улицу через приоткрытую дверь гаража. От неожиданности Васик с Вовкой открыли рты, но быстро спохватились и, повесив на дверь замок, ринулись догонять ушастого. Но тот куда-то исчез, словно испарился. Долго ещё бродили друзья по задворкам гаражей, сбивая ногами крапиву, переворачивая какие-то ломаные ящики, поддевая носами кроссовок обломки кирпичей. Кролик как сквозь землю провалился!

Из столовки вышли две женщины. Они о чём-то увлечённо болтали.

— Бежим! — в самое ухо крикнул ему Вовка. — Нас не было тут, понял?!!

А у Васику мысли проснулись. Забежали, засуетились.

«Надо дождаться Раису Павловну и всё рассказать ей!» — била тревогу светлая. «С ума сошла?! — возражала тёмная. — Она за это по головке не погладит! Кролика теперь вряд ли поймашь!»

А Вовка за рукав тянет.

— Что ты стоишь как истукан?! Бежать нужно! Знаешь, что нам за это будет?!

На деревянных ногах побежал Васик за другом. И мысли в ужасе рты закрыли. Только сердце стучало как шальное. И вот уже их двор. Вовка, не успев отдышаться, снова брызгал слюной ему в ухо:

— Смотри, никому не проболтайся! И не твусь! Когда стемнеет да дождь прекратится, кролика поищем. А пока иди домой. Я часа через два за тобой найду. Позову к себе домой, мол, в шахматы поиграть. А ты родителей к этому подготовь. Скажи, что к соревнованию будем готовиться...

Васик кивнул. А что ещё оставалось делать?!

Дома, взглянув на его бледное лицо, мама всполошилась.

— Васик! Ты что бледный такой? И почему так долго из школы не приходил? Что случилось?! — Скользя взглядом по его штанам, всплеснула руками: — Где это тебя носило?! Почему брюки такие мокрые и грязные?!

Молчание — лучшая защита. Васик только носом шмыгал.

— Да ты никак заболел?! — потрогала она рукой его лоб. И метнулась за градусником.

Васик не спорил. Только бы отстала.

«Молодец! Удачно выкрутился», — ехидно прошептала тёмная мыслишка. «Да уж, есть чем гордиться!» — осудила светлая. Но Васику было не до них. Мама уже совала ему под мышку термометр.

Температура и правда оказалась высокой. Напив его какой-то горькой микстурой, мама помогла ему снять мокрую одежду, уложила в постель, да ещё поставила на пятки горчичники. Васику стало знобить. То ли от температуры, то ли от ужаса случившегося. Но думать ни о чём не хотелось. Веки слиплись, по щекам покатались горячие слёзы. Он уснул. И сон приснился страшный. Будто ищет он Плюшку, бежит между каких-то тёмных гаражей. Зовёт его, плачет. А навстречу... стая злощих собак. Лают, визжат, рычат, щёлкают зубами. Вот-вот накинутся на него, разорвут в клочья. Но нет! Почему-то свернули куда-то в сторону, на задворки гаражей, откуда раздался тонкий отчаянный писк. И разом всё стихло. Только чавкают, хрустя чьими-то костями, мощные собачьи челюсти. Мелькнувший свет фар проезжающей мимо машины напугал собак, высветив на тропинке между гаражей бордовую лужицу крови, клочья белого меха и... длинные кроличьи уши. «Плюшка-а-а! Плюшка-а-а, миленький! — истошно закричал Васик, от ужаса закрывая глаза руками. — Это я... это я виноват!» Продолжал кричать до тех пор, пока не ощутил на лбу прохладную мамину руку.

— Васик! Васик! Что случилось, хороший мой?! Сон страшный приснился?

— Да, — размазывая по щекам слёзы, чуть слышно пролепетал он. А грудь ещё продолжала вздрагивать от безутешных рыданий.

— На, попей водички, и сон уйдёт, — ласково гладила его по голове мама.

Васик сел, но нервной дрожи в теле было не унять. И даже зубы слегка постукивали о край поднесённой к его губам чашки.

А когда наконец немного успокоился, вкрадчиво спросил:

— Мам, а Вовка ко мне приходил?

Она кивнула.

— Звал в шахматы играть. Но я сказала, что ты заболел и завтра в школу не пойдёшь. Где ты так мог простудиться-то?

Но Васик не ответил. Отвернувшись лицом к стенке, закрылся одеялом с головой. В душе теплилась надежда, что Плюшку нашли. И ничего с ним плохого не случилось. А это... только сон, страшный и невероятный. Мысли его не донимали, видно, понимали, что ему не до них.

А через несколько дней навестить его, «болезного», прибежал Вовка. Васик, лёжа в постели, читал «Детскую энциклопедию». Вовка притащил с собой шахматную доску, но раскладывать её не торопился. И когда за мамой закрылась дверь, зашептал ему в ухо:

— Ой, Васька! Хорошо тебе! Сидишь дома и в ус не дуешь. А в школе знаешь что творится? Плюшку-то нашего собаки разорвали. И Раису Павловну директор наказал. Ребята видели, как она плакала. Учителя во всех классах ребят спрашивают, не знают ли они, кто дверь в живой уголок открыл, пока Раиса Павловна в столовку за пищевыми отходами ходила. Но все молчат. Никто нас не видел. Представь, каково мне! И поделиться не с кем. Ты заболел. А кому я ещё об этом рассказать могу?!

От этой недоброй вести у Васи́ка снова забегали по телу мурашки, как во время озноба, хоть температуры несколько дней уже не было. И даже поддерживать разговор с Вовкой не хотелось. Вовка это почувствовал.

— Ну чё ты молчишь? Чё молчишь?! Да, дверь в живой уголок предложил открыть я, но ведь ты кролика из клетки за уши вытащил. Держал бы его крепче, так ничего бы такого не случилось! Жалко, конечно, Плюшку. Да и Раису Павловну... тоже.

Васик продолжал молчать. Тупо изучал свои руки, словно видел их впервые. Вовка разозлился.

— Хватит в молчанку играть! Скажи хоть что-нибудь! Что тебе советуют твои умные мысли? Или ты мне про них всё врал?!

Васик тяжело вздохнул. Мысли и правда снова куда-то попрятались. И даже светлая, хоть она вроде бы не из трусливых. Пауза затягивалась. Боковым зрением видел, каким пунцовым становится лицо друга. Надо было что-то говорить.

— Давай, Вовка, всё расскажем директору школы. Попросим его не наказывать учительницу! Купим для живого уголка нового кролика. И перед Раисой Павловной извинимся. Так будет честно!

Вовка чуть со стула не упал. Вытаращив на него злющие глаза, даже заикаться стал:

— Ты... ты... ты... что, совсем сдурел? Времени сколько прошло! Ты ведь уже почти десять дней болеешь. Какой с тебя спрос? Ты, значит, беленький, пушистенький! А я, выходит, подлый врун! Хитрый ты, однако, как кот. Не зря тебя старшеклассники дразнят. Подставил ты меня! А ещё другом называешься! Включи свою голову и придумай что-нибудь!

Но голова не хотела включаться. Ни одной мысли, ни светлой, ни тёмной. Ни-ка-кой! А Вовка от злости чуть не лопнул. Открыв рот бубликом, звонко постучал себя по голове, изображая беспомощный вид Васи́ка.

Тут вошла мама, пригласила их на чай с клубничным вареньем. Вовка будто только того и ждал. Нет, не чай пить собрался, а убежать домой под это дело, мол, некогда, его уже давно дома ждут. А когда мама отвернулась, показал Васи́ку кулак, что означало: попробуй вякни кому-нибудь.

В эту ночь Васи́к не сомкнул глаз. Мысли устроили такое... Нет, не ругались. Хуже. Перед внутренним взором двигались уже не светлые и тёмные пятнышки. На поле битвы застыли два конных войска с готовыми к сражению штыками. Шли последние переговоры:

— Директору правду рассказать надо! — зычно прокричал предводитель войска на белых конях. — Учительница ни в чём не виновата!

— Вовка предательства никогда не простит! — в ответ летел звонкий голос предводителя войска на конях гнедой масти.

И дальше начался такой разноголосый ор, что слов было уже не разобрать. Зазвенели штыки. Войска смешались. И уже было не понять, где мысли тёмные, где светлые. А Васик стал медленно проваливаться в какую-то бездну.

Через три дня врач, толстый усатый дядька в белом халате и смешном чепчике, разрешил ему идти в школу. Осмотрев его, легонько щёлкнул по носу: «Радуйся! Друзей увидишь». Васик потупил взгляд. Встреча с Вовкой радости не предвещала.

На другой день они столкнулись с ним на школьном крыльце. Причём почти нос к носу. Скользя по лицу Васику полным презрения взглядом, Вовка прошёл мимо с таким видом, будто вчерашний друг для него больше не существовал. Думал, наверное, что Васик будет его догонять, оправдываться. Но в класс Васик и не думал идти. Поднявшись на второй этаж, встал у окна в коридоре перед кабинетом директора. Из окна был виден двор. Тарзан, сидя под берёзой, сочувственно поглядывал на него, нетерпеливо перебирая передними лапами. И даже негромко твякнул для моральной поддержки. И, видно, не зря, потому как тём-

ные мысли снова стали искушать: «Может, не ходить? Может, Вовка прав: ведь много времени прошло? Все уже забыли об этом случае!» Но светлые твёрдо стояли на своём, вразумляя: «Что говорил тебе дед? Один раз позволишь себе поступить подло — это может в привычку войти. И из честного человека превратишься в подлеца!» — «А может, не стоит слушать деда? — противно ныли тёмные. — Вовка этот куда не денется: за одной партой сидит, в одном дворе живёт. Поиграет в молчанку день-другой — и всё! Снова общаться начнёт». — «Ага! — взорвались светлые. — А Раиса Павловна, значит, пусть плачет?!» Заплаканное лицо учительницы представилось Васику так отчётливо, что даже дышать стало трудно. И тут вдруг вспомнился бабушкин совет, как гнать от себя тёмные мысли. Оглянувшись по сторонам и увидев, что поблизости никого нет, топнул ногой, и губы сами тихо так прошептали: «Крест — ко мне, а тёмные мысли — от меня!» И мысли как ветром сдуло. Шумно выдохнув застывший в груди колючий воздух, решительно постучал в дверь кабинета директора. И, услышав спокойный мужской голос «входите!», решительно потянул на себя ручку двери.

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

прозаик, автор 25 книг повестей и рассказов, адресованных как взрослым читателям, так и детям, подросткам, юношеству.

Повести и рассказы печатались во многих российских и зарубежных журналах и антологиях.

Лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных премий. Повести «Гагара» (2014),

«Про Дуньку, которую знали все» (2018), «Смотри страху в глаза» (2024) вошли в финал Международного конкурса им. С. Михалкова и опубликованы в издательстве

«Детская литература» (Москва). Книга «Звоны поднебесья» в 2023 году была удостоена премии им. Г. Р. Державина «Во славу Отечества».

Книги автора переиздаются дополнительными тиражами, многие произведения рекомендованы для внеклассного чтения в школах.

Член Союза писателей России.

В настоящее время проживает в Петрозаводске.

